

Когда земле в противовес
Хребты и травы пёрли ввысь,
Я ахнул: это роль небес
И без неё не обойтись!

И, как Ньютон или Кулон,
Открыл в рождении стихов
Кибернетический закон
Взаимоотяготенья слов.

Н. Моршён, «От астры к звёздам»

Едва начав писать о Николае Моршене (Марченко), большом, знаковом поэте второй волны эмиграции в США, я обратил внимание на навязчивое присутствие числа «4» в русской поэзии XX века.

Тема не бесспорная, но любопытная. Кстати, «четвёрка» в нумерологии означает стабильную структуру, основанную на равенстве – как квадрат с равными сторонами. И не зря квадриги запрягали для триумфальных шествий (к слову, приятельница моих студенческих лет считала, что попавшие на глаза две четвёрки – номер дома, ценник в магазине или в номере телефона, всегда к удаче), а в футболе схема расстановки игроков на поле «4+2+4» считается самой надёжной и эффективной. При четырех защитниках и четырех нападающих.

Понятно, что к любой «четвёрке» (будь то четыре первоэлемента натурфилософии, стороны света или четыре «к» немецкой женщины – Kinder, Küche, Kirche, Kleider) всегда можно добавить несколько «полузащитников», хотя именно «четыре», вернёмся в русскую литературу, выглядит и убедительней, и стабильней.

Определяющий, классический четырёхугольник в русской поэзии XX века – четыре поэта: Цветаева, Ахматова, Пастернак, Мандельштам. Если пройти по «измам» и школам, то четвёрка футуристов (Хлебников, Д. Бурлюк, Маяковский, Кручёных), имажинистов (Шершеневич, Ивнев, Мариенгоф, Есенин) и символистов (Мережковский, Гиппиус, Блок, Бальмонт) первой четверти века

---

¹ Из стихотворения Н. Моршён «Среди туманностей цепных...». Сб. «Двоеточие»

передают эстафету обэриутам (Олейников, Введенский, Хармс, Заболоцкий) и во вторую половину века – лианозовцам (Кропивницкий, Холин, Сапфир, Сагуновский), «шестидесятникам» (Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Р. Рождественский), концептуалистам (Пригов, Рубинштейн, Вс. Некрасов, Кириков), «Московскому времени» (Сопровский, Кенжеев, Гандлевский, Цветков), метареалистам-метаметафористам (Парщиков, Ерёмченко, Жданов, Кутик), питерским «ахматовским сиротам» (Бродский, Бобышев, Рейн, Найман).

Примечательно, что в «Диалогах с Иосифом Бродским» Соломона Волкова, нобелевский лауреат сравнивает свою четвёрку с четвёркой Золотого века русской поэзии: «Каждый из нас повторял какую-то роль. Рейн был Пушкиным. Дельвигом, я думаю, скорее всего был Бобышев. Найман, с его едким остроумием, был Вяземским. Я, со своей меланхолией, видимо играл роль Баратынского».

Опять-таки, любую из обозначенных кварт можно расширить, как и сократить с равным успехом. Помню, в середине 1980-х в московском ЦДЛ периодически проходил «Дневник критика», которым руководил Станислав Лесневский. На одном из таких семинаров зашёл разговор о том, сколько человек необходимо, чтобы возникло литературное поколение. Никто, практически, не возражал: один. На том критики и порешили: одного достаточно.

Мне сегодня четвёрка кажется наиболее оптимальной, тем более, если порядок этот складывается естественным образом.

А и Б
сидели в КГБ,

В, Г, Д, -
в НКВД,

буквы Е, Ж, З, И, К
отсиживали в ЧК,

Л, М, Н... и вплоть до У
посидели в ГПУ,

все от Ф до Ю, похоже,
сядут вскорости. Я – тоже

Н. Моршен. Алфавит коммунизма

Во второй половине XX века в США прибыли четыре поэта, объединенных общей иммигрантской судьбой, великой русской поэзией и могучим русским языком – Елагин, Моршен, Чиннов и Иваск. Двое из них попали в Америку, как «перемещённые лица» (DP, Displaced

Persons), вывезенные в 1943 году уходящими из Киева гитлеровскими войсками на работы в Германию: Иван Елагин и Николай Моршен. Они прекрасно знали друг друга ещё по Киеву, равно, как с юности Игорь Чиннов – Юрия Иваска. Все четверо активно общались друг с другом в США, составляли собственные поэтические сборники, стали профессорами русской литературы и языка в американских колледжах.

В годы Перестройки о них узнали в СССР, активно публиковали в российских «толстых» журналах, выходивших тогда миллионными тиражами, а читатели открывали для себя «парижскую ноту», в связи с именем Чиннова; нецензурированное цветаеведение в работах Иваска; с изумлением отмечали, что настоящая фамилия Елагина – Матвеев, и он является двоюродным братом известной советской поэтессы Новеллы Матвеевой... И с интересом вчитывались в тексты четвёрки, особняком отмечая в стихотворениях Моршена эксперимент со словом, как основообразующий элемент его поэтики.

Синеть он может, как синица,
Способен, как сова, советь,
Умеет выпить, петушиться,
Малиноветь и соловеть.

Н. Моршен. Многоголосый пересмешник

В разное время мною были написаны эссе о поэтических судьбах Елагина¹, Чиннова² и Иваска³. Подошел черёд и Николая Моршена, поэтическая родословная которого берёт начало от словотворчества бюджетянина Хлебникова и русских футуристов. В те годы, начиная с 1950-х, когда Моршен в Америке занимался тем, что здесь называется *the creation of neologisms* (словотворчество), массовый советский читатель только в редких источниках, да и то благодаря, в немалой степени, именам Блока, Есенина, Маяковского, мог отыскать тексты поэтов Серебряного века.

Как писал о нём Дмитрий Бобышев, эмигрировавший из СССР в Америку в 1973 году: «... на Дальнем Западе, нашёл себе обитель ещё один словесник-виртуоз – Николай Моршен, куда привела его извилистая судьба “перемещённого лица”. Природа Северной

---

¹ Г. Кацов. Curriculum Vitae, или Судьба «Ди-Пи» человека. Ж-л «Октябрь», №7, 2018 – <https://magazines.gorky.media/october/2018/7/curriculum-vitae-ili-sudba-di-pi-cheloveka.html>

² «Эль», № 2(26)-2019. Полная версия: Г. Кацов, Нейтронная бомба не тронет меня. «Дискурс», 09.25.19 – <https://discours.io/articles/culture/neytronnaya-bomba-ne-tronet-menya-k-110-letiyu-poeta-igorya-chinnova>

³ «Эль», № 4(32)-2020. Полная версия: Г. Кацов. «Райский гражданин». О поэте Юрии Иваске в интерьере его поэтологии. Ж-л «Знамя», №6, 2021 – <https://znamlit.ru/publication.php?id=7986>

Калифорнии обуюла и очаровала озабоченного своими проблемами новосёла, с поникшей головой бредущего по лесу. Вдруг он обратил внимание на “огнелистые дубы”, загляделся на них и тут же ощутил поддержку самого леса, “бессловесного старожила”: “... и осина уронила прямо в душу – золотой, ... и гигантская секвойя грудью стала за меня”. Поэт оплатил эту “лесную опеку” сполна – великолепными русскими стихами».¹

Кувьркаются облака,
Опрокинулось поднебесье,
И такая во всём тоска
Об утраченном равновесье.

Н. Моршен. Последний лист

Николай Марченко родился 8 ноября (27 октября по старому стилю) 1917 года в Херсонской губернии – в год революции, да и в месяц, за которым в дальнейшем закрепилось имя «Красный Октябрь». Поскольку мы начали эти заметки с нумерологии, то отмечу, что 9 ноября (28 октября по старому стилю) – день рождения «председателя Земного шара», увлекавшегося числами и закономерностями Велимира Хлебникова, а в Херсонской губернии родился ещё один футурист – «великий заумник» Алексей Кручёных. Похоже, поэтический вектор был задан Николаю Марченко с рождения.

Его отцом был Марченко Николай, известный в русской литературе под псевдонимом Нароков. Уже в США был издан его роман «Мнимые величины» (1952 год; в перестроечном 1990 году опубликован в журнале «Дружба народов»), который стал бестселлером, и был переведён на многие языки. Успех книги был обеспечен уже самой темой: сталинский СССР и советская действительность времён культа личности без прикрас.

Не совсем понятно, как Нароков смог уцелеть в 1930-х, будучи белым офицером в Гражданскую войну и попав в плен к большевикам. До захвата немцами Украины жил в Киеве, с 1941 года – там же в оккупации, откуда и ушёл в 1943 году вместе с сыном с отступающими гитлеровскими войсками. Так что, у будущего 26-летнего поэта особого выбора не было. Останься отец в Киеве, его поставили бы к стенке за все заслуги, начиная с участия в белом движении. Скорее всего, расстреляли бы обоих.

---

¹ Д. Бобышев. Новый дом –
<https://dbobyshev.wordpress.com/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D0%B4%D0%BE%D0%BC/>

Он прожил мало: только сорок лет.
 В таких словах ни слова правды нет.
 Он прожил две войны, переворот,
 Три голода, четыре смены власти,
 Шесть государств, две настоящих страсти.
 Считать на годы – будет лет пятьсот.

Н. Моршен

Поэт Николай Марченко школьные годы провёл в Одессе. Высшее техническое образование получил до оккупации Киева немцами, окончив физический факультет Киевского университета. В 1944 году попадает в Германию, где, как он отмечал в одном из писем, «4 года был румыном»: из настоящей своей фамилии, чтобы избежать репатриации (советские репатриационные комиссии в Германии охотились за русскими эмигрантами), поэт изменил фамилию на «Моршен» – национально-неакцентированную по документам, с ударением на первый слог.

Так появился на свет «Николай Моршен», который с мая 1945 года оказался в лагере для перемещенных лиц Шляйсхайм. Почти тогда же он стал печататься (в эмигрантском журнале «Грани», издательство «Посев»), поначалу разбирая завалы в разбомбленном союзниками Гамбурге. Затем жизнь приобрела две главных смысла: не умереть от голода, находя подработки в самых неожиданных местах; и не попасть в лапы сталинского режима, дожидаясь разрешения в американском секторе на въезд в США.

У каждой из частиц
 Есть собственное анти-,
 У лестницы есть ниц,
 А Данте скрыт в педанте.
 А Данте кто? Поэт!
 Талант и эмигрант он,
 Поэтому да-нет
 Содержится и в Данте.

Н. Моршен. Диалектика природы

Литературовед Владимир Агеносов¹, состоявший с поэтом в переписке и дважды побывавший в Калифорнии в гостях у Моршенов в

¹ В. Агеносов – автор, кроме всего прочего, замечательных книг с иммигрантской проблематикой: «Литература russkogo зарубежья» (М., 1998), «Поэтессы русского зарубежья: Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич» (М., 1998), «Восставшие из небытия: Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции» (М., 2014).

конце 1990-х, так в своих воспоминаниях освещает эти дни ожидания: «Мне описывала одна из послевоенных солагерников Марченков их утро в лагере Ди-Пи Шляйсхайм в Германии. Старший Марченко, Николай Владимирович, идёт с рукописями к пеньку или столику. Сын где-то прячется, сочиняя стихи или читая книжку. А Наталья Васильевна машет топором, рубит дрова, готовит еду, выносит мусор, стирает»¹.

Наталья Васильевна – супруга поэта Моршена. О ней в одном из писем он писал: «Работает с утра до ночи... И кто это выдумал называть женщин “слабым полом”?»

Они воспитали и вырастили четверых детей, встретив старость в мире и согласии уже в Америке.

В. Агеносов там же приводит письмо к нему жены Моршена о том, как они с Николаем познакомились, которое даёт характеристику обоим супругам:

«Мы познакомились в 1939 году в селе Плюты на Днепре под Киевом. Там жила я на даче отца жены моего брата. По вечерам там собиралась большая женская молодежная компания [...]. Котик [домашнее имя Н.Н. – В.А.] познакомился с нами и ухаживал за всеми, кроме меня, а со мной только дружил – мы ловили рыбу, собирали грибы и ягоды.

Но вот настало время отъезда. Его семья «достала» грузовик и 1-го сентября уехала, а перед тем мы с ним решили встретиться 3-го сентября у стадиона «Динамо», но забыли обменяться фамилиями и адресами. [...] В Киев мы вернулись только через 6 дней.

Я сразу же помчалась на стадион без всякой надежды на встречу. И вдруг вижу: на скамейке сидит какая-то унылая фигура.

Он догадался, что почему-то наш отъезд не состоялся и решил (из упрямства?) не сдаваться.

Так что никакой романтики тут не было. Он думает – просто судьба. Я думаю – рыба и грибы. Это было почти 60 лет назад! (13.12.1998)».

Как пишет Агеносов в другом периодическом издании, в нью-йоркском «Новом журнале», Наталья Васильевна была женщиной своеобразной. Будучи уже вдовой поэта, все его поэтические тетради и рукописи она не сдала в архив какого-нибудь американского университета, что было бы традиционно в таких случаях и логично, а сожгла. Весь архив Моршена, до последнего листка! Похоже, тем самым проверяя известное булгаковское «рукописи не горят».

Булгаков оказался не прав.

Любопытно, что среди ди-пейцев в послевоенные годы проходили литературные конкурсы, на одном из которых в 1948 году стихотворение Моршена «У маяка», одно из первых, написанных в

---

¹ В. Агеносов. К 100-летию Николая Моршена. Ежегодный альманах «Связь времён», 10 выпуск, 2018-2020 - <http://www.thetimejoint.com/node/1771>

Шляйсхайме, получило премию (о чём сообщалось в газете «Эхо». Г. Регенсбург, Германия. 1948, 22 янв. № 3 [56])¹

У МАЯКА

Здесь на юг пролетают птицы,
Обгоняя случайный шквал.
Здесь с разбегу волна дробится
В горьковатую пыль у скал.

Здесь прибой потрясает гривой,
Словно вздыбленный белый конь.
Здесь ночами во мгле бурливой
Зажигает маяк огонь.

Но, привычные к тьме безлюдья,
Не понявши, зачем и как,
Перелётные птицы грудью
Ударяются о маяк.

И крылатое, став свинцовым,
Исчезает в морской пыли.

.....
Вдалеке благодарным рёвом
Откликаются корабли.

Получив визы на въезд в Америку, семья Моршенов с 1950 года проживает в США. Они прибыли вначале в Балтимор (штат Мэриленд), затем переехали в Сиракузы (штат Нью-Йорк), где Моршен находит себе место преподавателя русского языка. И, наконец, прибывают в Монтерей (Monterey, штат Калифорния). В том же 1950 году поэт устроился на должность преподавателя в местный Военный институт иностранных языков (Defense Language Institute, Foreign Language Center), где проработал почти 30 лет до выхода на пенсию в 1977 году.

Все эти годы он сочиняет стихотворения; интервью практически не даёт. Любит вдвоём с супругой кататься на каноэ, и ловит рыбу. Побывавший у них в гостях журналист и публицист Иван Толстой сообщает в своей радиопрограмме на Радио «Свобода»: «Когда в 87-м году я ехал к Моршену в Калифорнию, меня знающие люди предупреждали: интервью не даёт, стихов на запись не читает, будет угощать рыбой. Всё оказалось так, да не так. Рыба – это мягко сказано: стол буквально ломился под рыбным царством: рыба копчёная, солёная, тушёная, рыбные котлеты, простите за выражение – карпаччо, балыки

---

¹ Николай Моршен. Киевские стихи. 1936–1947. Публ. – В. Агеносов, «Новый журнал», №291, 2018.

всех цветовых оттенков – от нежно-розового до буро-медового, какие-то водки (большей частью, как я понял, собственного изготовления). Словом, как у Кирилы Петровича Троекурова, если бы Моршен не был полной тому противоположностью. Поджарый, высокий, очень демократичный в общении – но... не желающий записываться. Ни в какую!»¹.

В Монтерее Моршен переводит с английского на русский американских поэтов. Эти переводы публикуются в журналах «Америка» и «Диалог». Издаёт собственные поэтические сборники «Тюлень» (1959), «Двоеточие» (1967), «Эхо и зеркало» (1979). Первой публикацией в России стали шесть стихотворений, которые были напечатаны в 1989 году в «Новом мире». А в 2000 году, за год до его смерти, выходит в свет последняя поэтическая книга Николая Моршена «Пуще неволи» (составитель В. Агеносов).

Где Я выходит на первый план,
Там только скука, туман, обман:

Рождение – Яйцеклетка
Жизнь – Ярмо
Любовь – Яд
Смерть – Ящик

А там, где я на заднем плане,
Есть или счастье, иль обещанье:

Рождение – воля
Жизнь – стихия
Любовь – семья
Смерть – вселенная

Н. Моршен. Поиски счастья

В рецензии на сборник Николая Моршена «Пуще неволи», вышедший почему-то в российском издательстве «Советский спорт», Евгений Витковский, поэт, писатель, литературовед, пишет: «... ещё в середине 70-х годов я набрался нахальства спросить Елагина в письме, кто, по его мнению, из поэтов русского Зарубежья, ныне здравствующих, наиболее значителен. Елагин ответил, что вопрос "труден", а потом коротко назвал две фамилии: "Бродский и Моршен"»².

Не удивлюсь, если «Пуще неволи» вышел в спортивном

---

¹ И. Толстой. Памяти Николая Моршена. Программа «Поверх барьеров». Радио «Свобода», 20 октября 2001 - <https://www.svoboda.org/a/24200442.html>

² Е. Витковский. Лицо перемещённой национальности. «Новая газета». Ex Libris, 16 ноября 2000 – https://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-11-16/2_face.html

издательстве в книжной серии, посвященной фигурному катанию – учитывая филигранное мастерство поэта-экспериментатора Моршена в фигурном плетении словес. Ещё Георгий Иванов, прочитав стихотворную подборку начинающего тогда поэта, отметил: «В №8 “Граней” напечатано 19 его (Моршена) стихотворений, во многих отношениях замечательных. Они, конечно, не лишены недостатков. Но недостатки стихов Ник. Моршена случайны и легко устранимы, достоинства же значительны. Но почему-то критики, засыпающие похвалами его более удачливых товарищей – особенно Елагина, - до сих пор, если не ошибаюсь, не упомянули имя Ник. Моршена, не менее, чем они, заслуживающего внимания. Исправляю, хотя и чересчур кратко, эту несправедливость, и приглашаю своих “коллег” последовать моему примеру»¹.

В примечании к последней строке стихотворения, вынесенного в качестве эпиграфа к этому моему эссе, Моршен сообщает: «Сила стиха прямо пропорциональна произведению слов и обратно пропорциональна квадрату расстояния поэта от темы (Закон Моршена)». Юрий Иваск посчитал эту лингвоформулу несерьёзной («...к самой ткани стиха такие “законы” не имеют отношения, и, может быть, это только научная шутка поэта...»), хотя в каждой шутке, как известно, есть доля шутки.

В мире тусклых надежд и бездомных собак
По утрам расцветают цветы.
И встает Будапешт. И ведёт Пастернак
Разговоры с бессмертьем на ты.

Возникают живые как ртуть полыньи.
Собираются в строчки слова.
Загораются солнца. Гремят соловьи.
И асфальт разрывает трава.

Н. Моршен. В отходящем, уже холодеющем дне...

Именно «произведение слов» по закону Моршена, как результат умножения – $A \times B$, а не «сумма», как итог их сложения – $A + B$. Что и есть концентрация в поэтическом авторском словаре таких словосочетаний и словообразований (как определял Моршен звукоподражание: «идеоподражание», «дееподражание»), которые дают в математическом произведении импульс, значительно больший по своей убойной мощи, чем при обычном сложении любого слова с соседним. Здесь речь об особом поэтическом высказывании, которое

---

¹ Г. Иванов. Поэзия и поэты. «Возрождение», 1950, №10, с.179 – https://royallib.com/read/ivanov_georgiy/poeziya_i_poeti.html#0

отличается от прозаического, как законы элементарной физики от законов физики атомной.

Вполне вероятно, что и результат высказывания в поэтике – записанное поэтическое Произведение, является по закону Моршена функцией от произведения соседствующих слов при их умножении. Причем, как и в астрофизике, слова могут настолько сближаться по закон-у-множения друг с другом, что их плотность, как в каком-нибудь астрономическом «белом карлике», в котором плотность вещества в миллионы раз выше плотности обычных звезд, достигает астрономических величин. В этом случае, проблематика стихотворения становится малозначимой: при таких филологических ядерных процессах, тема стихотворения, действительно, «обратно пропорциональна...».

Слова сближаются, дыша
Простой и сложной симметрией:
Как R и Я, как m и ш,
Или как Марфа и Мария.

.....
В весеннем – сень, в томленье – лень,
В распаде – ад, в сближенье – жженье

Н. Моршен, Двоичное исчисление

Процессах, к тому же, генетических, как определил поэт и философ Ю.Линник: «...учёба у наших поэтов-будетлян тут очевидна. Но это была творческая учёба и очень самостоятельного ученика. Во-первых, он весьма избирательно подошёл к опыту русского футуризма, заимствовав у него повышенный интерес к биологии слова, которое способно расти, мутировать, скрещиваться с другими словами. Во-вторых, этот опыт он поверил разнообразными достижениями XX века: чувствуется, что поэт усвоил эстетику архитектурного конструктивизма; что ему близки аналитизм и парадоксализм новейшей науки; что он знает современную генетику... смещения и комбинации слов у поэта напоминают некоторые генетические процессы, а некоторые технические приёмы поэта можно описывать в терминах генетики»¹.

В удивительной по концентрации текстов Моршена и их лингвистическому анализу диссертации Александра Грищенко² рассматриваются и словотворчество, и смежные с ним явления – фразеотворчество, формотворчество, а также процитированы и оценены все, ключевые для идиостиля, лексические неологизмы Моршена

¹ Ю. В. Линник. Поэзия Николая Моршена. Ж-л «Грани». № 171, стр. 143-172. 1994 г.

² А. Грищенко. Идиостиль Николая Моршена. М. Из-во «Прометей», 2009.

(потенциальные и окказиональные слова) и прослежена эволюция поэта-«словолшебника» от раннего периода творчества к позднему.

Пока
Мы цепенеем над учебником,
Природа ходит ходуном,
Беременная словолшебником,
Каким-то логиколдуном.

Н. Моршен. Поэтический мутант

Особо надо отметить, что в подавляющем большинстве текстов метрика и строфика Моршена вполне традиционны, равно как и рифма. Другое дело – словообразования, что известный поэт-эмигрант Борис Нарциссов отметил отдельно, поскольку Моршен пользуется «методом “словесной деривации”», который даёт «новый аспект моршеновской теме слова прежних сборников: деривация или производство нового смысла, как-то скрытого в старом»¹. Интересно, что, разбирая целиком построенное на окказионализмах стихотворение Моршена «Белым по белому», профессор Стэндфордского университета, литературовед Л. Флейшман делает акцент на том, что ключ к пониманию этого текста «...лежит в футуристической практике. Поэтому приобретает значение то обстоятельство, что традиция русского футуризма “воскресает” внутри эмигрантской литературы и что Моршен не “вывез” футуризм из России, а “открыл” его, уже имея за собой продолжительный опыт “самостоятельного эмигрантского” поэтического творчества. Тем интереснее путь, которым Моршен пришёл к этому “открытию”»².

Белым по белому

Зима пришла в суровости,
А принесла снежновости.

Всё поле снегом замело,
Белым-бело, мелым-мело,
На поле снеголым-голо,
И над укрытой тропкою,
Над стежкой неприметною,
Снегладкою, сугробкою,
Почти что беспредметною,
Туды-сюды, сюды-туды

---

¹ Б.А. Нарциссов Б.А. Под знаком дифференциала. Поэзия Николая Моршена. «Новый Журнал». №125, 1976.

² Л. С. Флейшман. Несколько замечаний к проблеме литературы русской эмиграции. Одна или две русских литературы? Lausanne: Editions L'Age d'Homme, 1981.

Бегут снегалочки следы,
Как зимниероглифы,
Снегипетские мифы.

В лесу дубы немногие,
Снеголые, снежногие.
Висят на каждой ёлочке
Снегвоздики, снеголочки.
И снеговая сосна
Стоит прямее дротика.
Сугробовая тишина.
Снеграфика. Снеготика.

В своём исследовании А. Грищенко приводит слова слависта С. Карлинского, который пишет о том, что Моршен может стать последним продолжателем традиций русского «вербализма», «поскольку никто из сегодняшних молодых поэтов, даже ультрасовременные метаметафористы (к примеру, Иван Жданов, Алексей Парщиков или одарённая Нина Искренко), не испытывают возможностей *словотворчества* [у С. Карлинского транслитерировано по-русски, курсивом – А.Г.] с такой силой (depth), как это делает Моршен»¹.

Упомянутая Карлинским книга «Эхо и зеркало», общепризнанно считается самой авангардной у Моршена. Только по количеству новообразований (99 единиц), как отмечает А. Грищенко, «она опережает все остальные книги, более того: их количество превосходит количество новообразований во всех остальных книгах вместе взятых. Особую роль среди них играют окказиональные новообразования, созданные различными нетрадиционными способами, среди которых преобладает контаминация».

«Эхо и зеркало», как отмечает большинство критиков и исследователей, – самая экспериментальная книга стихов поэта, благодаря чему поэзию Н. Моршена относят к авангардному направлению в литературе русского зарубежья «второй волны».

Крутой замес ещё бродил в сезаме.
Змеясь, жило в нём словопламя,
Формировался звукоряд,
И появлялись буквосвойства:

СЕЗАМ

АЗ ЕСМЬ

АЗ Е = МС2

Сезаумь, откройся!

---

¹ А. Грищенко. Идиостиль Николая Моршена. Стр. 9. М. Из-во «Прометей», 2009.

В сборнике «Эхо и зеркало» основная, сквозная тема Моршена получает свое развитие: Слово (планета Земля – «окутанная дымкой Слова»), существовавшее до появления человека, онтологично. И слова человеческого языка – это не столько «языковая глина» для формирования поэтической речи, но скрытые от большинства людей знаки, носители тайных смыслов, которые могут привести поэта к некоей совокупности истин, упрятанных в Слово-Логосе. Слово, *иными словами*, это частный случай всемирного кибернетического закона «взаимотяготенья слов», а роль поэта – каждый миг открывать этот закон по-новому. В соответствии с известным замечанием Михаила Гаспарова: «Поэт не творит мир – время романтических самомнений прошло. Поэт переживает мир – да, но это его частное дело. Поэт проясняет мир – в этом его настоящее призвание»¹.

В небытии есть быть,
А в глухоте есть ухо,
В любить таятся бить,
В аду – кусочек духа.

Н. Моршен. Диалектика природы

При этом жизнь Земли, то бишь «земная жизнь», передаётся олицетворениями и метафорами: «месяц – мамонт со светящимся клыком», «тростник отточен, словно сабля», «оставляют метели свою канитель», «земля под дождём от страха мякла», «ручей – поэт подпочвенный», «галки вьются, как слова», «закат, сражённый на бегу, окровавил сосульки», «парчой тропу одели огнелистые дубы»... Все это позволяет иначе осмыслить диалектику природы в совсем не энгельском плане, при этом ещё и расширяя значения слов разделением их на подсмыслы, вроде «свое-волье», «под-снежник», «чаро-действие», «благо-даря», «оче-видным», либо создавая необычные, чудо-природные словосочетания: не водопад, а водокап; не травостой, а травояг; зима в снежливости; на ёлочке снеговоздики...

Всё во всем, и всё вокруг всё порождает. Как Слово породило космос, как космос породил человека, как человек произнёс слово, а слово вернулось к Слову, и таким образом вселенная *снова* была в Слово возвращена. Вот в чём миссия поэта и его поэтическое дело. Если хотите: гимн Поэту! И Поэзии, когда сочинение стихов вполне сопоставимо с сочинением-творением мира.

Себя являя в поиСках – чего?
Ловя преданья гоЛоса – какого?

---

¹ М. Гаспаров. Георгий Шенгели, ученый поэт. Ж-л Арион, № 4, 1997.

Она вливает в хаОс волшебство,
Водой живой взвиВая вещество,
Она и хаос претвОряет в СЛОВО

Русский поэт, теоретик и пропагандист верлибра Николай Бурич в давнишней статье отмечал: «...смысл стихотворения в громадной степени зависит от рифмопорождающих способностей пишущего, то есть рифма выступает в качестве стимулятора и регулятора ассоциативного мышления (так называемое рифменное мышление). Оттого-то и любят конвенциональные поэты называть процесс своего творчества “колдовством”, “шаманством”, “волшебством”, “наитием” и т. п. Оттого-то и возможна абстрактная заготовка рифм, как семян, из которых в будущем прорастет содержание»¹.

Равно, как и в случае умножения слов (аккумулируя этим действием поэтический заряд огромной мощности), так и играя словами, создавая неологизмами, раскрывая словотворчеством скрытые в словах смыслы разного рода явлений, Николай Моршен добавляет к метрике и рифме дополнительные координаты. Эти составляющие роднят его тексты с обрядовыми глоссолалиями, с поэзией Хлебникова, Маяковского, Каменского, Сосноры, да и с вариантом вокально-джазового скэта (scat singing), ведь не зря Моршен столько лет прожил в Монтерее – на родине легендарного джаз-фестиваля Monterey Jazz Festival.

Шаман, одним словом.

На человеческий язык
Речь духа переводит лира,
На недоумь — звериный рык,
На заумь

СОТВОРЕНЬЕ МИРА.

Н. Моршен. Недоумь-слово-заумь

---

¹ В.П. Бурич. Тексты: Стихи. Удетероны. Проза. М. Из-во «Советский писатель», стр. 159. 1989